

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Лишь после двух лет работы Кабинет по изучению личности преступника и преступности Мосздравотдела имеет возможность выступить перед читающей публикой с некоторыми результатами этой работы. До сих пор издательская деятельность Кабинета ограничилась лишь выпуском в свет брошюры—„Изучение личности преступника в СССР и за границей“, имевшей целью осветить первые шаги нового и, пожалуй, самого ценного движения современной криминологии—в сторону изучения конкретного правонарушителя, вместо абстрактных юридических понятий, судебно-статистических сводок и т. п.

О том, насколько велик в настоящее время интерес специалистов-юристов, врачей и др. к личности преступника, свидетельствуют и многочисленные запросы о работе Кабинета, получаемые им с различных концов СССР, и факт создания в провинциальных городах ряда аналогичных кабинетов, лабораторий и т. д.

Кабинету неоднократно приходилось высылать в провинцию образцы своих анкет обследования, планы работ и т. д. За 2 слишком года кропотливой, углубленной работы Кабинетом и его клиникой, собран материал о 3 600 преступниках, подробно изученных врачами специалистами. Значительная часть этого материала уже разработана статистиками в сотнях комбинационных таблиц, включающих данные социально-экономического и психо-физического характера. Исключительная ценность этого материала, не имеющего себе равного по обширности, полноте и систематичности собранных данных, вполне оправдывает труд тех криминологов, которые на основании указанного материала будут изучать и описывать московскую преступность нашего времени.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей сотрудников Кабинета по изучению личности преступника и преступности ни в какой мере не претендует на исчерпывающее освещение проблемы изучения преступности и преступника, за последние годы заново пересматриваемой и по новому поставленной. В нем читатель найдет затронутыми только несколько областей криминологии, но областей, имеющих актуальнейшее значение в современном изучении преступности.

Социально-психиатрическому анализу всей преступной группы общества на материале обследования 2 600 правонарушителей, прошедших через МУУР и изученных в Кабинете, посвящена статья Е. К. Краснушкина. Процент участия психически-неполноценных в преступной группе общества в Москве (в среднем 68,1%), приводимый в этой работе, а также и в других работах сборника, вполне совпадает с процентом, установленным западно-европейскими, и главным образом, американскими учеными. Этот большой процент неполноценных личностей, может быть, удивит читателя. Но пусть он вспомнит, что правонарушения в большин-

стве случаев являются социально-недостаточными действиями индивидуума, свидетельствуя о слабости его социальной приспособляемости, хотя бы в момент совершения правонарушения. И обыденное мнение различает разные степени умственной одаренности, говоря об умных, неумных и глупых людях, а судят об умственном даровании не только по умным, или глупым речам человека, но и, главным образом, по его поступкам. Но не только таких знает обыденное мнение, оно знает и неврастеников, истериков, травматиков и другие „больные“ характеры, которые, обладая достаточным умом и пониманием окружающего, все-таки нарушают нормальное течение нашей жизни, часто сами страдая от этого. Вся эта группа психически-неполноценных людей вовсе еще не является группой душевно-больных людей, группой невменяемых, они стоят на границе с последними, от них незаметен постепенный переход к глубоким степеням идиотизма и к глубокому уродству психики,— к истинной душевной болезни. Не естественно ли участие всех этих людей в преступной группе общества? Не легче ли им, в силу недостаточности их психо-физической структуры соскользнуть на путь правонарушения, на путь недостаточного социального приспособления, чем уравновешенным людям? Утвердительный ответ совершенно понятен всякому здравомыслящему человеку.

Социально-психиатрическим исследованием личности преступника является в сборнике также работа А. М. Рапопорта—„Кокаинизм и преступность“, основанная на изучении 400 случаев кокаинизма. Автор трактует быстро разросшуюся эпидемию кокаинизма, как социальную болезнь, прежде всего поражающую определенные группы населения, в связи с их условиями существования. Той же теме посвящена и статья М. Т. Белоусовой, основанная на несколько более специальном материале о 112 кокаинистах-преступниках, прошедших через Институт Судебно-Психиатрической Экспертизы имени Сербского: любопытно отметить, что выводы авторов, работавших независимо друг от друга над обширным материалом, в значительной мере сходятся, в особенности по вопросу о криминогенном значении кокаина.

Статья А. Г. Харламовой „Патологическая группа несовершеннолетних правонарушителей по данным Московского Трудового Дома“, посвящена группе несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за сравнительно тяжелые, упорно повторяющиеся преступления. Резко выраженные дефекты поведения соединены у них с рядом психо-физических дефектов, делающих бесцельными все старания опытных педагогов и крупные затраты на перевоспитание и исправление этих детей. Попытка автора найти медицинский подход к проблеме патологического поведения этих несовершеннолетних вовсе не означает стремления объяснить биологическими причинами правонарушения беспризорных. В начале своей работы Харламова определенно подчеркивает, что статья эта говорит не о беспризорных правонарушителях вообще, а о небольшой группе особо тяжелых несовершеннолетних правонарушителей, с прямо большой психикой.

Если статья д-ра Харламовой посвящена группе тяжелых, психически аномальных правонарушителей Моструддома, то д-р Озерецкий в своей работе сборника „Социально запущенные дети“ трактует не выходящих за пределы нормы подростков правонарушителей. Правда, и эти подростки относятся к категории трудно-воспитуемых и тяжелых в своем преступлении „социально-запущенных“ детей. Работа представляет собой опыт характерологической классификации 50 таких подростков с точки зрения современной психиатрической характерологии нормальных людей. За основу этой классификации Озерецкий берет типы реакции по Kretschmer'у и дает суммарную характеристику полученных четырех групп подростков, выпукло обрисовывая криминологические и психофи-

зические черты каждой. В заключении он делает справедливый вывод о необходимости характерологической группировки детей правонарушителей для педагогических целей.

Вторая статья доктора Н. И. Озерецкого дает руководящие линии работы по одной из самых гругих тем Советского строительства, психотехнике труда, в применении к несовершеннолетним преступникам. Это принципы профотбора и профконсультации в доме для несовершеннолетних правонарушителей. Огромное значение этой проблемы, именно в применении к правонарушителям, понятно, так как подобрать и дать правонарушителю отвечающую его способностям и вкусу профессию, это нередко значит приспособить его к социальной жизни в обществе.

Статья Е. К. Краснушкина и Н. Г. Холзаковой—„Два случая женщин-убийц гомосексуалисток“—иллюстрирует характер и методы изучения личности правонарушителя, практикуемые в кабинете.

Практике изучения личности преступника посвящена статья секретаря Кабинета А. М. Рапопорта. Статья эта, отражающая не только научно-техническую сторону работы, но и некоторые научно-принципиальные взгляды Кабинета, снабжена основной анкетой социально-психиатрического исследования, употребляемой в работе Кабинета.

Наконец, редакция считала полезным для русского читателя поместить хронику, главным образом, иностранной криминологической жизни за последние годы.

Таково в общих чертах содержание настоящего сборника.

Помимо социально-биологического изучения личности преступника, производимого преимущественно психиатрами (что обеспечивает, как показал опыт Кабинета, сравнительную достоверность сведений, получаемых при опросе испытуемого), работниками Кабинета производилось также обследование семей, быта преступников, очагов преступности, рынков, ночлежных домов, притонов. Трудность собирания такого материала не позволила накопить к настоящему времени такое количество его, чтобы выступить с ним в печати. Правда, большой материал социально-экономической среды, в которой развивается преступность, был получен психиатрами Кабинета при индивидуальном обследовании правонарушителей,—с ним читатель и познакомится, конечно, частично, в перечисленных выше статьях психиатров. Кабинетом накоплен и обработан в многочисленных таблицах большой чисто-социологический материал, представляющий обширное поле работы для социолога-экономиста. В дальнейшем Кабинет предполагает дать ряд специальных работ об экономических факторах преступности.

В заключение редакция с удовлетворением отмечает, что дело, начатое впервые в СССР нашим Московским Кабинетом по Изучению Личности Преступника и Преступности,—успешно развивается в связи с общим ростом активной криминологической мысли на всей территории Советского Союза. Это обстоятельство является важным ободряющим моментом в работе Кабинета, который стремится путем научного исследования, проникнутого выдержанным материалистическим миропониманием, посылить помощь Советскому государству в его борьбе с преступностью

ЧТО ТАКОЕ ПРЕСТУПНИК?

Е. К. Краснушкина.

В 1924 году в „Основных началах Уголовного Законодательства СССР и Союзных Республик“ изгоняются слова „наказание и кара“. Новый закон не карает, не наказывает правонарушителя, но применяет в нему меры социальной защиты. Применение же мер социальной защиты обусловлено опасным состоянием правонарушителя, но не его виновностью.

„Все меры социальной защиты“, говорится в основных началах, „должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижения человеческого достоинства“. Теперь нет прежнего „чистилища“—тюрем, нет мертвого дома, в советском месте заключения должен господствовать принцип приспособления правонарушителя к социальной жизни, содержание в нем стремится „к укреплению тех черт характера и навыков правонарушителя, которые могут удерживать его от дальнейших преступлений“, и в соответствии с этим принципом организуется режим мест заключения с его культурно-просветительным и трудовым воздействием на заключенного.

Дом с закрытыми дверями, но не навеки, а открывающимися очень скоро для отпусков на волю перед исправляющимся правонарушителем, дом с очень многими рабочими цехами, допускающими возможность выбора каждому заключенному труда „по душе“, дом с физкультурой, с школой, с кинематографом, театром, библиотекой, с хорошо организованным медицинским надзором по всем специальностям, с стремлением развивать самостоятельность и склонность к социальным навыкам у заключенных, таков исправдом в его конечных устремлениях. Установленный на эти цели режим такого исправдома, преследующего в отношении правонарушителя цели социальной защиты, а не наказания, ставящего задачей социальное приспособление правонарушителя, предупреждение антисоциального поведения его, воздействующего на личность правонарушителя не причинением страдания, но педагогическими мерами, просвещением, приучением к труду, развитием профессиональных навыков, самостоятельности и т. д., все это позволяет провести аналогию между ним и психиатрической больницей, преследующей также цели социальной защиты общества от опасного душевно-больного и также стремящейся приспособить его путем излечения или воспитания к жизни в обществе. Эта аналогия может быть проведена дальше в отношении принципов организации различных типов пенитенциарных учреждений и различных типов психиатрических отделений: спокойным отделениям психиатрических больниц с их крепко закрытыми дверями, строгим и усиленным надзором и рядом приспособлений, рассчитанных на опасных и возбужденных больных, отвечают изоляторы специального назначения для наиболее опасных и тяжелых правонарушителей, крупных растратчиков, бандитов, убийц, тяжелых рецидивистов и т. п.; спокойным отделениям больниц санаторного типа

с почти открытыми дверями, с меньшим надзором, с отпусками домой, трудовым режимом, внутренним уютом, развлечениями для спокойных и выздоравливающих больных соответствуют исправительно-трудовые дома пенитенциарной сети учреждений, предназначенные для более легких правонарушителей, для подающих надежду на исправление, для мелких должностных преступников, воров, мошенников с однократной судимостью; слабым отделениям больниц—колонии для туберкулезных и других больных заключенных; психиатрическим колониям—трудовые сельскохозяйственные и фабрично-заводские колонии и т. д.

Эта аналогия углубляется, если к сказанному прибавить, что как в психиатрической организации душевно-больные соответственно их опасности, их состоянию, их социальной пластичности переводятся из одного отделения в другое, переводятся с одного режима на другой, так и правонарушители в зависимости от их исправления или иными словами опять-таки в зависимости от их социальной пластичности переводятся распределительными комиссиями из одного пенитенциарного учреждения в другое.

Мне думается, что такая аналогия между этими двумя рядами организаций не случайна, но вытекает из тождества объекта, на который воздействуют эти организации: и там и тут это—человеческая личность, нарушающая своим поведением установленный в данном обществе социальный порядок, нарушающая гармонию того „социального пространства“¹⁾, в котором она живет. Но это еще не значит, что каждый преступник—душевно-больной человек, как это полагал Lombroso, не значит и того, что каждый душевно-больной является преступником. Как все человеческое общество, как всякая отдельная часть его, так и та часть общества, которую называют „преступным миром“, с психиатрической точки зрения имеет смешанный состав: в нее входит 1) душевно-больные, 2) психопатические личности, 3) умственно-отсталые (олигофрены) и 4) душевно-здоровые.

Что криминогенное значение душевных болезней велико, об этом свидетельствует частое фигурирование наших пациентов на суде, это вытекает и из самого существа душевного расстройства. „Сумасшествие“, этот не медицинский, но, по выражению американского психогигиениста Whit'a²⁾, „социальный термин“, обозначает некоторые виды социально inadequate поведения.

О связи душевных болезней с преступностью особенно свидетельствует процент душевно-больных в преступной группе человеческого общества, значительно превышающей таковой остального населения: так в Пруссии для всего населения он равняется 2—3‰, для исправительных же тюрем по статистике прусского министерства—14‰. Замечательно, что и в Москве дело обстоит приблизительно так же: для всего населения, согласно переписи 1911 года, он равнялся 3,2‰; мировая война и революция, повидимому, повысили этот процент, хотя и не на много, если судить об этом повышении его в Ленинграде, согласно данным проф. Осипова приблизительно до 5‰. В местах же заключения, по данным Московской медицинской инспекции мест заключения, процент душевно-больных колеблется между 10—15‰. Но, как известно, расы, нации и группы общества характеризуются не только количественно процентом душевных болезней, но и качественным составом его, процентным соотношением различных форм душевных расстройств, свой-

¹⁾ Термин заимствован мною у Albrecht'a, Der anethische Symptomnekomplex, 1921.

²⁾ William A. White. The principles of mental hygiene, 1924 г:

ственных этим группам людей. Это психопатологический индекс Stern'a.

По статистике Stern'a на материале Фрейбургской психиатрической клиники за 6 лет, купцы, лица свободных профессий и чиновники чаще всего болеют маниакально-депрессивным психозом и прогрессивным параличем; крестьяне, ремесленники и мастера—ранним слабоумием и алкоголизмом; рабочие стоят по середине в своей склонности ко всем этим психозам. На основании материалов Московского Института Судебно-Психиатрической Экспертизы, имеющих в отчете о нем за 1924 и 1925 гг. главврача института Е. Н. Довбни, можно говорить о психопатологическом индексе, специфическом для преступной группы общества в Москве: самый высокий процент принадлежит группе психопатических личностей (20,8%—1924 г.), куда вошла часть нерезких психотических реакций их, а если присоединить к ним естественно связанные с ними яркие психотические реакции, объединенные в группе тюремных психозов, развивающихся на основе психопатической недостаточности личности, а также и родственные с ними психоневрозы, травматический психоневроз, истерию и т. д., то получится высокий процент—около 40,2% психопатов и психоневротиков с их психотическими реакциями. Следующее место занимают шизофреники, процент которых в 1925 г. возрос, по сравнению с 1924 г.; а дальше в близких друг к другу цифрах представлены органические психозы, эпилепсия, олигофрения и наркомания, и, наконец, оказывается очень ничтожным процент участия в криминальной группе общества маниакально-депрессивных больных, что вполне отвечает социальному характеру этих больных.

Таким образом, криминальная группа людей имеет психопатологический индекс в существенном, характеризующийся очень высоким процентом психопатических личностей и психоневротиков с их психотическими реакциями, довольно высоким процентом шизофрений и ничтожным процентом маниакально-депрессивного психоза.

Это участие в преступной группе общества по преимуществу пограничных с душевной болезнью состояний, психопатов, психоневротиков, истериков и т. д., количеством их, поступающих в Институт, далеко не исчерпывается. Гораздо большее количество их не доходит до института, ибо они не подлежат психиатрической больнице, ибо это вменяемые люди. Они, по словам Aschaffenburg'a и Rixen'a и моему убеждению, составляют „основное ядро блатного мира“, они заражают своим больным поведением здоровых правонарушителей и делают из исправдома „высшую школу преступности“. Из-за них же постоянно вновь разгорается „старый спор славян между собою“. Это они властно оспаривают у социологов монополию права на изучение преступности и преступника в пользу психиатров. Это они водили и водят и социологов, и психиатров по путям крайних и ложных утверждений: идеалистически или субъективно психологически понимаемого воздействия среды на правонарушителя у первых, и признания всякого преступника душевно-больным у вторых. Это они способствовали развитию дуалистического учения об индивидууме и среде, подобно психологическому учению о параллелизме души и тела. Эту проблему, так поставленную, один из здравомыслящих психиатров, американский психогигиенист White ³⁾, относит к „псевдопроблемам“, которыми так изобилует философия“. „Что такое индивидуум?“ „Что такое среда?“—спрашивает он и так отвечает: „это—элементы некоторого динамического отношения, некоторой постоянной игры сил, в которой их относительная значимость находится в непрерывном соотношении прилива

³⁾ William A. White. An introduction to the study of the mind 1924 г.

и отлива". А я бы сказал, что и для психиатра индивидуальное бытие является функцией социального бытия. Но психиатр не может понимать воздействия среды на индивидуума примитивно, как простые психологические отпечатки среды на неведомой таинственной „душе". Психиатр не может думать вместе с некоторыми социологами и психологами, чрезвычайно рьяно отстаивающими власть среды над отдельной личностью, что все люди рождаются с совершенно одинаковыми „душами, созданными по образу и подобию божью", что социальная среда оказывает на эти одинаковые души исключительно психологическое воздействие, что она, заражая их дурными примерами, лишая ласки, душевного тепла, приводя их к душевным трагедиям, психологически разлагая их, делает таким путем эти „души" преступными и что для того, чтобы освободить от преступных склонностей такую „испорченную душу", в основе остающуюся прекрасной, нужно заиграть „на ее честных струнах". Конечно, материалистически мыслящий психиатр не склонен так примитивно психологизировать воздействие социально-экономической среды на человека. Ему не по пути с подобными сентиментальными построениями приверженцев старой эмпирической психологии. Недаром последние годы идет такой решительный натиск на эту старую идеалистическую психологию со стороны бихевиористов, строящих психологию „без души", отбрасывающих интроспекцию (самонаблюдение), как метод, и признающих только объективный метод наблюдения поведения человека и животных. Но и некоторые даровитейшие ученики (Koffka, Köhler) эмпирической психологии под этим натиском бихевиористов недавно признали „героическое банкротство" последней, решительно отказываясь от анализирующего самонаблюдения, как метода психологии, и создали новое направление, так наз. структурную психологию (Gestaltpsychologie), утверждающую единство „внутреннего" и „внешнего" в поведении, единство „феноменальных" (психических) и „телесных" реакций, и стремящуюся обосновать функциональный „субъективно-объективный метод" в психологии⁴⁾. Совершенно естественно, что психиатр, привыкший в клинике воспринимать, как единое целое, и психическую и физическую сторону человеческого поведения, склонен и к единству понимания социального и психофизиологического бытия человека.

„Всякую реакцию организма как целого, как такового", мы называем, по определению уже цитированного мною Whit'a⁵⁾ „психической". Вот почему мозг позвоночных животных и человека по справедливости считается носителем психических функций, ибо он является органом, имеющим представительство от всех частей организма для действия его как целого. Главной и высшей функцией мозга является поведение животного или человека. „Если мы станем, говорит Bühler⁶⁾ „рассматривать все имеющие смысл, т.е. целесообразные способы действия животных и людей, то увидим, что снизу вверх идет очень простое и ясно различаемое построение из трех ступеней, которые называются инстинктом, дрессировкой и интеллектом. Инстинкт, как мы теперь понимаем, самая низшая ступень и вместе с тем почва, на которой произрастает все высшее; и у человека нет ни одной области и ни одной формы духовной деятельности, которая не опиралась бы на инстинкт". Инстинкты—это родовые аппараты приспособления животного к окружающей его среде, передающиеся по наследству. Что инстинкт слеп, косен,—это всякому известно. Вот яркий пример косности инстинкта, который приводит Цур-Штра-с-

⁴⁾ См. в сборнике под редакцией проф. Корнилова „Проблемы современной психологии" статьи Выготского и Кoffка „Самонаблюдение и метод психологии".

⁵⁾ Whitel. c.

⁶⁾ Bühler. Духовное развитие ребенка.

сен ⁷⁾: „что пара птиц кормит молодняк, служит для многих признаком разумности или же благородных психических свойств. Но это ни что иное, как инстинктивная реакция на крик и раскрытие клюва птенцов, иначе кукушке вряд ли удалось бы подсунуть своего птенца певчим птицам; но так как он кричит громче и разевает клюв шире, чем собственное потомство обманутой родительской пары, то и привлекает на себя одного неусыпные их заботы, а законные дети голодают“.

У более высокоорганизованных животных появляется способность к индивидуально целесообразному поведению. В первую очередь это — ассоциативная память, способность к образованию навыков, способность к ассоциативному закреплению личного опыта, обуславливающая способность животного к дрессировке. Эта способность свойственна не только позвоночным, но и беспозвоночным животным. Фришу ⁸⁾, например, удавалось научить медовых пчел отличать голубую бумагу от серой, укрепляя на голубой чашечку с подслащенной водой. В дальнейшем пчелы садились на голубую бумагу и тогда, когда чашечка на ней была также пуста, как и на серой. Эта способность к дрессировке, к образованию навыков смягчает косность инстинкта и позволяет животному „расширять и улучшать врожденную программу инстинктивного поведения“ ⁹⁾. Однако, способность к образованию навыков получила свое развитие главным образом в мире позвоночных животных. Известно, что разные виды животных в разной степени способны к дрессировке. Так, в то время, как собака обнаруживает очень большие способности к дрессировке, карп почти неспособен к этому. Человек представляет собою в высшей степени способное к образованию навыков животное. Правда, способность к образованию навыков подвержена индивидуальным колебаниям и в пределах одного вида или разновидности. Одна собака оказывается более способной в этом отношении, чем другая. То же следует сказать, повидному, и про людей. Таким образом, этот более поздний, второй по времени развития, аппарат, уже индивидуального приспособления, оказывается менее стойким, чем инстинкт. Но и инстинкт и способность к образованию навыков, это — аппараты пассивного приспособления животного к окружающей среде. Человек же отличается от животного, главным образом, способностью активного приспособления: он перестраивает окружающую его природу, приспособляет ее к себе; он — *homo faber*, он создает орудия, он изобретает, его поведение предусмотрительно („*einsichtig*“ — Köhler). Вот эта способность к изобретению, дающая человеку возможность активного приспособления или предусмотрительного поведения, и есть, по определению Bühler'a, „биологическая работа интеллекта“. Замечательно, что и тут у человека имеются предшественники в животном царстве. Недавние интересные опыты Köhler'a ¹⁰⁾ над обезьянами, над шимпанзе, доказывают наличие изобретательской способности и у них, хотя бы и в зачаточном состоянии по сравнению с человеком. Вот один из таких опытов Köhler'a: перед клеткой голодного шимпанзе помещается плод на таком расстоянии, чтобы он не мог достать его просто рукой; в клетку же кладутся две тростниковые палки, более толстая из которых устроена полый; каждой палкой в отдельности нельзя достать плод, они чересчур коротки для этого, но это можно сделать, если вложить более тонкую палку в более толстую полую; шимпанзе после попыток достать плод сначала просто рукой, потом каждой палкой в отдельности, наконец, начинает играть палками, и ему вдруг удается

⁷⁾ Дур-Штрассен. Поведение человека и животного в новом освещении. Стр. 8. Изд. „Время“, 1925 г.

⁸⁾ Цит. по Лютцу. Психология животных. Стр. 95—97. Изд. Пучина. 1925 г.

⁹⁾ Дур-Штрассен l. c., стр. 10.

¹⁰⁾ Köhler цитируется по Bühler'y. Духовное развитие ребенка.

вложить одну палку в другую. Тогда за этим немедленно следует движение этой уже длинной сложенной палкой, движение, которым шимпанзе достает плод. Но не только он сам в дальнейшем при повторении этого опыта проделывает процедуру складывания палок, но научает этому и других обезьян. Но и тут, по мнению Bühler'a, нет резкого скачка от дрессуры к изобретательской способности. „Немного более свободная игра ассоциаций“, говорит он: „вот, может быть, все, чем шимпанзе выше собаки“, которая обладает хорошей способностью к дрессировке, но не имеет еще изобретательской. Вместе с тем этот высший в ряду животных аппарат активного и индивидуального приспособления, локализирующийся, повидимому, также как и способность к образованию навыков, в коре головного мозга, оказывается и наиболее хрупкой частью мозга. Об этом свидетельствует частая гибель его при различных душевных болезнях, разрушающих мозг, при целостности инстинктов, помещающихся в подкорковой, филогенетически более старой, чем кора, области мозга.

Итак, инстинкты являются более стойкими наследственными всегда готовыми к употреблению аппаратами родового приспособления человека, способность же к образованию навыков и способность к изобретению или предусмотрительному поведению, интеллект, это — высшие и более хрупкие аппараты индивидуального приспособления человека. Человеческому индивиду приходится приспособляться к им же, вместе с целым человеческим коллективом, созданной, культурной среде или, короче говоря, социально-экономической среде. Эта последняя определяет в человеке соотношение всех трех способностей. Совершенно ясно, что инстинкты в силу своей коности оказываются чрезвычайно недостаточными аппаратами поведения человека в социальном пространстве, а потому роль их подчиненная в поведении его, и они корректируются и поглощаются способностью к ассоциативному закреплению индивидуального опыта и изобретательской способностью, которые у человека на высшей культурной ступени его развития являются не только главными руководителями его поведения, но как необыкновенно гибкие аппараты индивидуального приспособления, делают человека чрезвычайно-пластичным в его приспособлении к окружающей бесконечно изменчивой социальной среде. Именно они создают его социальную пластичность, но они же, повторяю, оказываются самыми хрупкими аппаратами головного мозга или вернее его коры.

Еще недавно мозг — этот орган самой важной функции организма, его психики, считался полным властелином остального организма. Такая точка зрения являлась естественным отзвуком идеалистического учения о параллелизме души и тела, в котором, конечно, „душа“ была истинным хозяином тела, этой „греховной плоти“ человека. Однако, современная наука с успехом оспаривает это положение. Мы теперь знаем, что функции и развитие мозга находятся в глубокой зависимости от других органов тела. Я полагаю, что мне нет надобности останавливаться на примерах зависимости мозговой-психической деятельности от состояния сосудистой системы организма, от химического и физического состояния крови, омывающей мозг, от деятельности мышц, функции кишечника и т. д., словом, от состояния всех тканей и органов, или той внутренней среды, в которой живет и действует мозг.

Если проанализировать действие на организм главных социальных факторов, то станет ясным, что они действуют по преимуществу не непосредственно на мозг, но на эту внутреннюю среду. Холод, голод, душевное, сырое и грязное жилье, побои, ранний и непо-

сильный физический труд, антигигиенические условия труда, профессиональные вредности, ранний алкоголизм, социальные болезни, эти обычные спутники нищеты, сифилис, туберкулез, эпидемические заболевания, брюшной, возвратный и сыпной тифы (последний, кстати, за связь с голодом назван голодным тифом) и т. п.—все эти ингредиенты так называемой ненормальной социальной среды, беспризорности и нищеты, порождаемых капиталистическим строем, часто действуя из поколение в поколение, дружными усилиями уродуют тело, эту внутреннюю среду мозга, и через нее нередко пробиваются и к нему самому. Но даже и чисто психические воздействия окружающей среды, согласно современной науке, производят физико-химические изменения в соках и тканях организма, которые имеют обратное действие на психику. Я думаю всякому ясно, что, как на тощей почве не может вырасти здоровое и сильное растение, так и на этой больной внутренней среде организма, пораженного факторами аномальной социально-экономической среды, не может расти и развиваться такой сложный и вместе с тем такой нежный орган как мозг, и что, конечно, в первую очередь страдает, разрушается или недоразвивается его позднейшая по времени образования и потому менее прочная часть, кора, эта носительница ассоциативных и изобретательских функций человеческой психики. Таким образом, в итоге всех этих влияний среды, действующих часто не непосредственно на мозг, а через посредство его внутренней среды, всего остального организма, и при этом действующих, как я уже сказал, из поколения в поколение, получается биологически глубоко измененная неполноценная личность, или психопат или олигофрен.

Для психопатических личностей, отличающихся по меткому определению американского психиатра Хили „ненормальностью реакций на некоторые ординарные стимулы жизни“, характерно, по моему мнению, недоразвитие или неправильное уродливое развитие способности к образованию ассоциативно закрепленных навыков при целостности изобретательской способности. „При этих примитивных характерах,—говорит Кречмер¹¹⁾ про психопатов,—в крайних случаях дело не доходит совсем до образования навыков (Charaktergewöhungen)... Жизненный путь их распадается на более или менее несвязанные друг с другом, определяемые данной ситуацией отдельные поступки“. Я думаю, ясно почему этот недостаток сказывается у психопатов часто уже в детском и особенно юношеском возрасте трудной воспитуемостью.

Для олигофренов же, людей слабого интеллекта, характерно, наоборот, главным образом, недостаточное развитие изобретательской способности при нередкой сохранности способности к образованию навыков. Но и эта способность при отсутствии изобретательской способности у олигофренов нередко служит им только во вред: окружающая дурная социальная среда прививает им только антисоциальные навыки, дрессирует их на преступность. В конечном счете поведением и тех и других руководят по преимуществу филогенетически более старые родовые приспособительные аппараты, инстинкты, не могущие вследствие своей косности удовлетворять запросов сложной и чрезвычайно-динамичной социальной среды. Отсюда понятно, что и те и другие легко нарушают гармонию современного социального пространства, понятна inadekvatnost' их поведения. Конечно, не всякое социально-инадеkvатное действие является

¹¹⁾ Kretschmer. Der sensitive Beziehungswahn. 1918, стр. 15.